

**От либерализма к этатизму.
Трансформация идеи правосознания
у Ивана Ильина**

Идейная эволюция Ивана Ильина всегда вызывает много вопросов. Трагедия, случившаяся с Россией, обычно рассматривается в качестве ключа к пониманию этой эволюции. Российская трагедия для многих, если не всех, русских мыслителей стала поводом для переосмысления своих взглядов, но каждый из них имел собственную точку зрения и на причины, приведшие к этой трагедии, и на задачи, вставшие перед русским освободительным движением после большевистского переворота. При этом мы не встретим двух одинаковых точек зрения. Сама по себе российская трагедия поэтому не может рассматриваться в качестве ключа к пониманию эволюции взглядов того или иного мыслителя. Если таким «ключом» можно открывать разные замки, то это уже отмычка. Подлинным ключом к пониманию может быть только «реконструкция» уникальной реакции философа на события, их уникальное осмысление, но никак не сами события. Российская трагедия могла стать лишь толчком к пересмотру взглядов, но сам этот процесс у каждого мыслителя был исключительно личностным и предельно уникальным. Мы, конечно, можем типизировать какие-то позиции и объединять на этом основании мыслителей. Подчеркнем, однако, что и в этом случае Ильин будет стоять особняком.

Работа Ильина «Общее учение о праве и государстве», опубликованная в 1915 г., – это вполне рядовая работа. Ничто в ней еще не предвещает того мощного разворота, который произошел всего несколькими годами позже. Свой новый взгляд на природу права,

на отношение личности и государства Ильин наиболее полно изложил в книге «О сущности правосознания», над которой он работал в 1918–1919 гг., но которая увидела свет только после смерти мыслителя. Можно даже говорить не просто о новых взглядах Ильина на право, на соотношение естественного и позитивного права, но и о принципиально новом правопонимании. Причем настолько новым, что ничего близкого мы не найдем ни в российской, ни европейской правовой мысли. С сожалением можно констатировать, что сам Ильин в более поздних работах отошел от этих взглядов. С еще большим сожалением следует признать, что этот его труд вообще никак не повлиял на развитие русской правовой мысли.

Философско-правовую доктрину Ивана Ильина, как она изложена в этой его работе, пожалуй, можно признать не просто авантюрной, а в некотором смысле даже вызывающей: ни с кем в конечном счете не соглашаясь, он пытается всех объединить в одно непротиворечивое целое. Есть и еще одна особенность: начиная именно с этой работы, Ильин берет за правило никого прямо не цитировать, не ссылаться на источник и даже не упоминать ничьих имен. Он всего несколько раз упоминает Гегеля, лишь однажды в сноске упоминает Новгородцева. А ведь именно работе Новгородцева «Кризис современного правосознания» он обязан постановкой целого ряда проблем. Имен других теоретиков права мы и вовсе не встретим в его работе, хотя совершенно очевидно, что он в ней полемизирует и с представителями правового позитивизма, и с анархистами. Он также полемизирует с Б.Н.Чичериным, В.С.Соловьевым и Е.Н.Трубецким. Этим трем мыслителям Ильин также обязан целым рядом философских идей, на которых Ильин строит свою концепцию правосознания.

Вопрос, который мы бы хотели поставить сразу: может ли вообще философско-правовое учение Ильина, как оно изложено в данной книге, быть классифицировано как либеральное при том, что в своих посылах оно граничит с анархизмом, а в своих выводах вплотную подходит к этатизму. Этот вопрос уместен еще и потому, что мы знаем дальнейшую «антилиберальную» эволюцию взглядов Ильина. Как это ни покажется странным, но учение Ильина о праве, как оно изложено в данной работе, практически полностью находится в рамках либеральных принципов и постулатов, более того, в русской философии права нет другого мыслителя, который бы столь последовательно реализовал принципы

либерализма и столь последовательно их развернул. Правда, само это развертывание обнаружило внутреннюю парадоксальность базовых принципов либерализма.

Наиболее парадоксальным выводом в учении Ильина стал вывод о том, что полный индивидуализм и свободное внутреннее развитие обособленной личности – это путь, неизбежно приводящий к приятию реально существующего позитивного права, а вместе с тем и государства, именно в том виде, в каком они существуют в данный момент времени. У Ильина признание позитивного права – это акт свободной воли и сознательного признания, благодаря которому личность обретает в этом наборе норм, одинаковых для всех, ключевой элемент своей идентичности – правосознание.

Может создаться впечатление, что апологетика позитивного права Ильиным расходится с критическим пафосом естественно-правовых учений русских либералов, в основе которых лежала идея принципиального несовершенства позитивного права как такового. Однако тут не все так однозначно. Ильин считает, что без предметного опыта признания позитивного права и формирования правосознания невозможно постижение права как такового, его природы. На первых этапах этого постижения обнаруживается, что позитивное право играет весьма скромную роль в духовном восхождении личности: это всего лишь момент постижения личностью справедливости, существующей в позитивном праве в виде закона, уравнивающего условия для всех.

Только на следующем этапе, достигнув понимания природы права, человек начинает обнаруживать в позитивном праве и государстве их высокий духовный смысл. Только постигнув высшие цели права человек способен обнаруживать недостатки позитивного права, увидеть в нем реализацию ложных ценностей, классовых интересов, предрассудков и многого другого, что неизбежно присуще позитивному праву. Однако залогом того, что позитивное право может совершенствоваться, является особая внутренняя связь его с естественным правом.

Таким образом, для Ильина не существует философии права, отдельной от опыта правосознания. Соответственно, и теории общественного договора, и теории естественного права, которые противопоставляют себя позитивному праву, – это некие дефекты правосознания.

Проследуем теперь более внимательно за логикой развертывания аргументации Ильина, тем более, что она, вне всякого сомнения, оригинальна.

Б.Н.Чичерин, человек, который наиболее последовательно реализовал идею индивидуализма в качестве базового принципа либерализма, считал, что способ, каким человек существует в мире, есть свобода, а право – это внешняя свобода, гарантирующая в первую очередь свободу внутреннюю. Право не просто усиливает индивидуалистические тенденции в обществе, но гарантирует личности подлинную автономию в обществе. Именно через право общество обнаруживает в личности свое подлинное основание.

Ильин как будто разделяет такой взгляд на право, но при этом особо подчеркивает трагический элемент индивидуализма: способ, каким существует человек в мире, делает право необходимой формой его бытия, а способ этот – глубокое и неизбывное одиночество. На первый взгляд может показаться, что мы имеем дело всего лишь с некоторым смещением акцентов, однако результатом такого смещения будет принципиально иной взгляд и на государство, и на место в нем личности.

Будучи отделенным от других духовных существ телесно, человек есть часть множества одинаково отделенных друг от друга и внутренне уникальных «духовно-творческих монад»¹. Общение и духовная жизнь таких монад возможна только при наличии объективно значащих для всех правил, «утверждающих свободный и справедливый порядок в существовании этого множества»². Общение это, однако, весьма специфично. Каждый из этих духовных центров общения сопряжен со своим телом и без него просто не существует. Само же тело, отгораживающее этот центр от других, является, по сути, и единственным связующим звеном, соединяющим эти центры. Духовное существо может связываться с другим духовным существом только опосредствованно, через свою телесность и ее проявления, «через телесное восприятие телесно же выраженных состояний»³. Поэтому человек, строго говоря, – не монада, у которой нет окон и дверей. Именно телесность его и есть те самые окна и двери.

Уникальность и единственность в своем роде каждой личности – это даже не аксиома, а абсолютная самоочевидность. Соответственно, чужая душа – потемки, так как никто не может

испытать чужих состояний как своих собственных просто по определению: ни помыслить за другого, ни впустить в свою душу, ни одолжить другому свой опыт или волю.

Ситуация была бы просто безвыходной, если бы эти духовные существа не совершали, каждый самостоятельно, множества параллельных одиночных и одиноких восходящих процессов. Смыслом этого процесса является одухотворение души и тела, обретение знания и веры, постижение истинного и прекрасного.

Таким образом, автономия воли и свободное самоопределение – это не просто основание морального поведения, а то, что «лежит в основании **всей** жизни человеческого духа»⁴. Однако свободное самоопределение конфликтно, так как ведет к столкновению множества притязаний.

«Движимая первоначально инстинктом личного и семейного самосохранения, каждая единичная душа выступает в виде **агрессивной воли**, обращается к общей основе существования и очерчивает вокруг себя круги своего стесненного самоутверждения. Это самоутверждение составляет не только психофизическую, но и духовную необходимость. Для того чтобы достойно существовать, т. е. жить возрастающим духом, необходимо прежде всего существовать; для того, чтобы существовать, каждому единичному человеку необходимо самостоятельно действовать во внешнем мире, создавать нужное и беречь созданное. Круги, очерченные каждым вокруг себя, рано или поздно, но неизбежно придут в соприкосновение и столкнутся; конфликт притязаний неизбежно породит вопрос о правоте притязаний, и произвольному установлению своих пределов придет конец: вопрос о правом притязании есть уже вопрос о праве, зрело разрешаемый ныне признанием определенного **правового статуса за каждым субъектом**.

Таким образом, к созданию права ведет наличность общей основы и среды у множества раздельно существующих субъектов. И если полная изолированность людей в этой среде... сделала бы право ненужным, то невозможность общаться через нее, понимать друг друга и общаться друг с другом, сделала бы право невозможным»⁵.

Тут мы подходим вплотную к тому, что понимал Ильин под естественным правом. Право иметь свой очерченный круг автономной жизни – это совершенно естественное, вечное и неотчуждаемое право любого духовного существа. Как видим, есте-

ственное право, по Ильину, в его первоначальном смысле – это не доктрина и не некое обобщение, а единственно возможный способ существования. Только тогда, когда мы начинаем описывать этот способ бытия духовного существа (субъективное естественное право), возникает некий набор прав, который традиционно принято считать естественным правом.

Человечество, таким образом, представляет собой совокупность этих естественно-правовых кругов. Соприкосновение этих кругов и их взаимоопределение создает систему естественно-правового разграничения.

«Признание такого естественного права за каждым человеком, как возможным центром своеобразной и автономной жизни духа, утверждает, действительно, начало правовой обязанности и правового равенства в жизни людей. Люди не равны друг другу ни телом, ни душой; они не равны и по содержанию своей духовной жизни..., но по своему праву на достойную жизнь каждый равен каждому другому. Круг свободного самоутверждения, определяющий естественно-правомерный статус каждого, простирается не дальше, чем до границы соседних кругов... Последовательное аналитическое раскрытие идей живого духовного бытия, духовной свободы, духовной самодеятельности, духовного достоинства и равенства может установить целую систему естественных субъективных прав и обязанностей, слагающих вместе то, что следует называть **естественным правом**»⁶.

Как мы теперь понимаем, естественное право – это не только источник права, но и источник нравственности, да и вообще всей сферы нормативного, их собственное главное содержание.

Однако обоснование положительного права все же представляет особую сложность. Точнее, сложность представляют как раз несовершенства позитивного права, его подчас дискриминационный характер. К сожалению, Ильин дает здесь весьма тривиальный ответ: источником этих несовершенств является незрелость состояния человеческой души. Душа осуществляет свое автономное самовыражение и самоутверждение, но еще не способна в полной мере к автономному самообязыванию. Отсюда, конечно же, легко перейти к пониманию положительного права как исторически целесообразной формы поддержания естественного права через коллективные установления.

Данные установления носят для человека гетерономный характер и всегда поэтому подкрепляются некоей санкцией на случай их несоблюдения. Однако смысл и основная задача положительного права заключаются в развертывании определений естественного права в виде правил внешнего поведения.

Внешние установления приучают человека извне к саморегулированию, к развитию навыков автономного самообязывания. А это становится возможным именно потому, что на самом деле нормы позитивного права своим содержанием имеют естественное право, но выражают его двояко. С одной стороны, они утверждают человека в качестве субъекта, имеющего правоспособность и дееспособность, то есть дают некие положительные определения. С другой, – они утверждают определенные запреты, смысл которых в том, чтобы обязать человека сохранять естественно-правовой круг другого человека.

Положительное право, по мысли Ильина, должно быть приемлемо для автономной воли, так как оно в принципе является видоизменением естественного права. Именно поэтому оказывается возможным порядок самообязывания, когда автономная воля видит в нормах позитивного права свои собственные права, сформулированные в виде обязательств всех членов общества. Приятие же позитивного права (правосознание) возможно только при том условии, что право «организует жизнь как школу самоуправления»⁷.

Вообще говоря, правосознание выполняет не только некую «апологетическую» функцию, связанную с приятием позитивного права и самообязыванием, но и весьма продуктивную критическую функцию. Правосознание способно обнаруживать неверное или искаженное право и переживать его в качестве несовершенного проявления естественного права. Именно правосознание способно соизмерить позитивное право с естественным и творчески преобразовать первое. Однако критика и преобразование позитивного права не могут иметь в качестве своей фазы отказ от него. Отказ от позитивного права, его непризнание есть акт уничтожения естественного права, присутствующего в данном позитивном праве. Поэтому единственной формой борьбы за естественное право является творческое признание позитивного права.

Ильин считает, что, даже если позитивное право попирает мой интерес, я обязан его принять. Важно, чтобы только оно не попирало достоинства. А что делать, если попирается достоинство и даже сама

жизнь? У Ильина нет прямого ответа. Хотя косвенно он отвечает и на этот вопрос. Ильин приводит в пример Сократа: «...образ Сократа, приемлющего неправый приговор афинских судей и спокойно выпивающего яд во имя торжества не правового права, останется навсегда глубочайшим призывом к преодолению положительного правопорядка во имя естественного»⁸. Получается, что, по сути, единственно верный способ поведения личности в условиях, когда положительное право нарушает право естественное, – показать высокую трагедию данного факта пусть даже и ценой собственной жизни.

Правосознание ведет вечную борьбу за право, постоянно соизмеряя смысл позитивного права и идею естественного права. Обнаруживая серьезное различие, сознание иногда впадает в искушение отрицания, и тогда на арену истории выходит кризис правосознания, характеризующийся критикой всякого права вообще, обличением его, низведением его до простого проявления принципа классового интереса, орудия господства. Однако и такие проявления должны заканчиваться появлением нового правосознания и утверждением, в конце концов, нормального правосознания. В обычной же ситуации «конфликт между естественным и положительным правом разрешается в жизненной борьбе за право – в правотворчестве»⁹.

В концепции естественного права Ивана Ильина пока еще остается не вполне проясненным один важный момент. От его прояснения будет зависеть не только общая оценка и квалификация его философии права, но и понимание ее места в его философском учении в целом.

По Ильину, право обслуживает процесс духовного восхождения. Однако телеология данного процесса не вполне понятна. Здесь возможны два подхода. Первый подход состоит в признании духовного восхождения в качестве открытого процесса, в котором нет внешней цели, а он сам есть цель для себя. Здесь цель понимается как энтелехия, то есть как цель, для самой себя пребывающая в состоянии полной осуществленности. Применительно к нашему вопросу такое понимание давало бы нам право утверждать, что восхождение есть процесс собственного раскрытия и наиболее полного самоосуществления каждого конкретного человека. При таком подходе нет и не может быть внешних ориентиров и внешних критериев успешности процесса восхождения, поскольку мы имеем дело с уникальным и самодостаточным.

Второй подход предполагает некую внешнюю цель, существующую в самой действительности, которая определяет этот внутренний процесс восхождения духа, служит и ориентиром, и мериллом его успешности. В пользу второго подхода Ильина как будто говорит ряд его высказываний о приятии человеком позитивного права, о том, что им руководит здесь ощущение верховного блага.

Как бы это ни противоречило расхожему образу Ильина, но в данной работе он придерживался именно первого подхода и последовательно его реализовал. Об этом свидетельствуют как прямые утверждения, так и вся логика развертывания конструкции права вплоть до учения о сущности государства.

О последнем, однако, надо поговорить особо. Природа государства полностью определяется целью, которой оно служит. Цель эта – ограждение и организация духовной жизни, при этом ограждение «состоит в обеспечении всему народу и каждому индивидууму его естественного права на самобытное определение себя в жизни»¹⁰. Организация государством жизни состоит в первую очередь в организации правопорядка.

Государство как союз людей обладает довольно широким полем для противоречий. Одинаковые интересы разъединяют людей, создают конкурентную среду, где стремление к успеху одних часто оборачивается неуспехом для других. Государство, по мысли Ильина, должно быть построено не на общности интересов и не на общем интересе, а на солидарности. Сама же солидарность может быть основана только на взаимном уважении и признании достоинства другого, ценности его жизни и духа.

«Духовная солидарность есть подлинная и реальная основа государства»¹¹, и эта солидарность не есть некое самопожертвование человека, отказ от интереса во имя солидарности, а высшая фаза самоутверждения. Действительно, если мы признаем, что государство призвано утверждать естественные правомочия каждого гражданина и оберегать его как самобытный творческий центр духовной жизни и всячески благоприятствовать ему в его автономном самоопределении¹², то понятно, почему настоящий гражданин испытывает, по Ильину, живое неразрывное тождество между интересом государства и своим собственным интересом.

Вообще говоря, Ильин отвергает все существовавшие на тот момент теории государства, в том числе и договорную теорию. При этом он вводит принцип предустановленной гармонии между лич-

ностью и государством: ведь если государство делает то же самое, что и личность, только лучше, только в более очищенном виде, то откуда же взяться возможному конфликту между личностью и государством, как не от недостаточного развития самой личности.

В то же время мы не найдем у Ильина сколько-нибудь глубокого анализа, почему же реальные формы государства столь разительно отличаются от его учения о них. Если в учении о естественном и положительном праве мы такие ответы находим, то в его концепции государства мы этого не видим. Мы постоянно находим различные долженствования и императивы, постоянные требования правильно понимать государственное правосознание и т. п., но совершенно не находим трезвой оценки и анализа того факта, что государство все-таки по большей части занято как раз улаживанием тех самых конфликтов агрессивных автономий и интересов, с которых Ильин начинал развертывание материала. Ильин просто отказывается размышлять над тем, почему государство хронически не в состоянии подняться до уровня поставленных перед ним целей.

Если его учение о праве можно охарактеризовать как эклектическое, представляющее собой смесь анархистских, либеральных и консервативных идей, то учение о государстве скорее можно охарактеризовать как граничащее с консервативной утопией. Мы не найдем в его теории государства ключевых либеральных идей о государстве, о необходимости его ограничения. Более того, он принципиально объединяет «Божие» и «кесарево» как живое единство, существующее в нормальном правосознании, — понятно, что такой тезис был бы абсолютно неприемлем для либерала.

В то же время следует подчеркнуть, что интерпретация идеи естественного права Ильиным вполне укладывается в рамки либеральной доктрины. Если Чичерин начинал свою правовую теорию с подчеркнутого персонализма, то он в дальнейшем и все формы общностей рассматривал в качестве союзов, в том числе и государство. Смысл развития права он видел как раз в том, что посредством права общество обнаруживает личность в качестве своего собственного основания. Право в своем историческом развитии надежно закрепляет этот статус личности в обществе, гарантирует его. Ильин начинает как будто из той же точки, что и Чичерин, но дает ей совершенно иную оценку: он рассматривает индивидуализм как одиночество, не как зло, но

как неизбежную трагедию бытия духовных существ. Право же выступает у него не как равное для всех разграничение внешней свободы, гарантирующее внутреннюю свободу личности и ее самоопределение в обществе, но как путь духовного объединения навечно одиноких существ. И всю последующую работу мысли он подчиняет этой задаче – найти те формы жизни, в которых утверждение личности совпадает с признанием достоинства другой личности, а предмет стремления не приводит к конфликту интересов, конкуренции. Так в его теории появляются понятия *родины, патриотизма, государства*.

Теория естественного права превращается у Ильина в целую философию существования человека в мире. Она описывает не только вопросы происхождения права. По Ильину, получается, что формирование естественно-правового круга личности опосредствует все явления человеческой жизни, в том числе науку и искусство.

К сожалению, подготовленная в 1918–1919 гг. книга «О сущности правосознания» увидела свет только в 1956 г. Есть все основания полагать, что она не переделывалась в более поздние периоды. Сомнения возникают разве что в отношении Заключения к книге, которое выглядит столь уравновешенным и усредненным, что практически дезавуирует основные находки Ильина. Книга действительно явилась прорывом во взглядах на природу права.

Мы видим, что большинство идей в книге являются результатом его осмысления развала государства, роли правовых идей и правовых теорий в этом развале. Ильин пытается сформулировать такую идею права и такую концепцию правосознания, которые бы в принципе не могли ни на каком этапе своего становления вести к упадку государства. А отсюда и его апологетика позитивного права. Нельзя уничтожать или уничижительно смотреть на действующее право с позиций каких-то правовых идеалов и тем самым подрывать правосознание. Ильин видит, что любимая тема размышлений русской интеллигенции, тема плохих или несовершенных законов – это верный путь к развалу того, что есть.

Общая охранительная направленность его работы очевидна, видна совершенно явно и этатистская ее направленность, однако в ней сохранено главное: личность автономна, ее развитие есть смысл и цель государственной деятельности. Вопрос только в том,

считает Ильин, насколько сама личность это понимает, насколько развито ее правосознание, не наносит ли она сама себе и окружающим вред, противопоставляя себя государству и его задачам.

Принцип предустановленной гармонии правильного правосознания и государства им проводится вполне последовательно, однако уже в его выступлениях 1923 г. мы видим явный крен в пользу принципа сильной власти: лицо, лишь постигнув высокие задачи государства, обретает подлинное правосознание. Принцип гармонии уступает место идее сильной власти (государства) и свободной лояльности (личности). А в 1924 г. появляются его девять писем о фашизме, в которых мы не встретим уже ни малейшего намека на свободную лояльность. Подчинение высшей воле государства – вот путь подлинного правосознания.

К чести Ильина надо сказать, что этой иллюзии он придерживался недолго. Первый же арест и допрос в гестапо его сильно отрезвил, однако и возврата к либеральному мировоззрению у Ильина не произошло. Его взгляды с середины – конца 1930-х гг. можно определить как утопический или романтический этатизм.

Примечания

- 1 *Ильин И.А.* О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. С. 36.
- 2 Там же.
- 3 Там же.
- 4 Там же. С. 35.
- 5 Там же. С. 38–39.
- 6 Там же. С. 40–41.
- 7 Там же. С. 47.
- 8 Там же. С. 51.
- 9 Там же. С. 54.
- 10 Там же. С. 100.
- 11 Там же. С. 103.
- 12 Там же. С. 104.